Полковникъ ЕЛИСѢЕВЪ

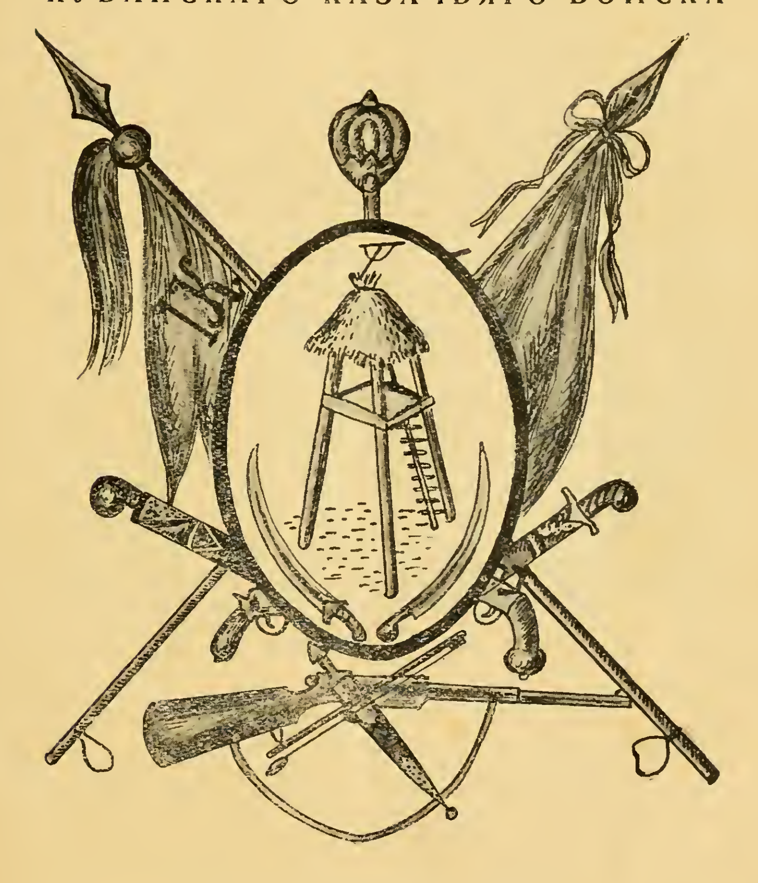
ИСТОРІЯ ВОЙСКОВОГО ГИМНА КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

10, rue des Cordelières, PARIS-13e
ПАРИЖЪ
1930

Полковникъ ЕЛИСѢЕВЪ

ИСТОРІЯ ВОЙСКОВОГО ГИМНА КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

10, rue des Cordelières, PARIS-13e
ПАРИЖЪ
1930

Посвящается дороголюбезному Кубанскому Казачеству, для возстановленія своего Родного «Войска» на берегахъ многоводной и раздольной Кубани-матери . . .

Полковникъ Елисѣевъ.

†

Командиръ 1-го Кавказскаго полка

Полковникъ Эльмурза Мистуловъ

ВОЙСКОВОЙ ГИМНЪ
КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

Ты Кубань, Ты — наша Родина,
Вѣковой нашъ богатырь,
Многоводная, раздольная,
Разлилась Ты вдаль и вширь...
Изъ далекихъ странъ полуденныхъ,
Изъ Турецкой стороны,
Бьемъ челомъ Тебѣ, родимая,
Твои вѣрные сыны...
О Тебѣ здѣсь вспоминаючи,
Пѣсни дружно мы поемъ,
Про Твои станицы вольныя,
Про родной отцовскій домъ...
О Тебѣ здѣсь вспоминаючи,
Какъ о матери родной,
На врага, на басурманина,
Мы идемъ на смертный бой...
О Тебѣ здѣсь вспоминаючи,
За Тебя-ль не постоять,
За Твою-ли славу старую,
Жизнь свою-ли не отдать...
Мы какъ дань свою покорную,
Отъ прославленныхъ знаменъ,
Шлемъ Тебѣ, Кубань-родимая,
До сырой земли поклонъ...

Священникъ 1-го Кавказскаго полка

Константинъ Образцевъ.

**
*

Кто изъ казаковъ, да и вообще изъ русскихъ людей, жившихъ и воевавшихъ вмѣстѣ съ казаками — не знаетъ эту чудесную Кубанскую пѣсню:

— «Ты Кубань, Ты наша Родина»?

Удивительная задушевность, глубокое чувство любви къ родному краю, красота строя и напѣва — дѣлаютъ ее однимъ изъ высокихъ образцовъ народной поэзіи, передъ которой меркнутъ многіе надуманные, лишенные вдохновенія, стихи поэтовъ...

И не даромъ всѣ мы, казаки, какого бы Войска не были,—такъ искренне любимъ эту прекрасную пѣснь и такъ охотно всегда поемъ ее на нашихъ собраніяхъ, рядомъ со своимъ Войсковымъ гимномъ. И она давно уже стала не только пьсnью Кубанскою, а — Кубанскимъ Войсковымъ гимномъ, признаннымъ и утвержденнымъ самою жизнью.

Казаки — пѣвучій народъ. И въ горѣ, и въ радости у казака всегда найдется своя пѣсня, нерѣдко дѣдовскихъ боевыхъ временъ, соотвѣтствующая его настроенію. Онъ не знаетъ имени автора, гдѣ и когда пѣснь была написана, да это и ненужно ему: онъ самъ всей душой въ этой пѣснѣ, она ему родная съ молокомъ матери... Ея начало — въ далекой старинѣ . . .

Но, «Ты Кубань, ты — наша Родина» — еще юная красавица. Ее родила Великая война, взлелѣяла извѣчная горячая любовь казака къ родному краю, и будетъ жить она во вѣки, пока будетъ на свѣтѣ Казачество . . .

А пока будутъ въ нашей душѣ такія свѣтлыя чувства, какія такъ ярко выражены въ ней, пока она, эта родная всѣмъ намъ пѣснь будетъ будить въ насъ и поддерживать дѣйствительную любовь къ Родинѣ — не страшны намъ козни христопродавцевъ-большевиковъ. Ихъ судьба рѣшена . . .

Помянемъ же добрымъ словомъ того скромнаго, погибшаго отъ злодѣйскихъ рукъ, полкового священника 1-го Кавказскаго полка Кубанскаго Казачьяго Войска отца Константина Образцева, который сумѣлъ такъ талантливо сложить, записать и дать стройную форму казачьей думѣ . . .

Скажемъ сердечное спасибо и автову настоящей маленькой книги, Хорунжему того-же полка тѣхъ временъ Ѳ. И. Елисѣеву, въ которой онъ такъ тепло и хорошо разсказалъ исторію этой пѣсни-гимна.

Донской Атаманъ
Генералъ Богаевскій.

Адъютантъ 1--го Кавказскаго полка **Хорунжій Елисѣевъ**
Стоятъ: Штандартный урядникъ **И. Масловъ** (съ Георг. кр.).
Его ассистентъ ст. урядникъ **И. Назаровъ.**
Сидятъ: ординарцы-казаки: **Ф. Ермоловъ** и **И. Ловлинъ.**

ИСТОРІЯ ВОЙСКОВОГО ГИМНА КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

Не говоря уже о рядовомъ казачествѣ — рѣдко кто изъ казачьей интеллигенціи, даже и офицерства, знаетъ, — откуда и когда появилась эта пѣснь, ставшая впослѣдствіи

«Войсковымъ гимномъ Кубанскаго Казачьяго Войска»,

и кто таковъ ея авторъ.

Автора давно уже нѣтъ въ живыхъ. Онъ разстрѣлянъ большевиками въ Тифлисѣ еще тогда, въ періодъ ихъ перваго владычества, за свои смѣлыя выступленія противъ нихъ. Это былъ полковой священникъ 1-го Кавказскаго полка Кубанскаго Казачьяго Войска—отецъ Константинъ Образцевъ. Какого мѣста Россіи онъ уроженецъ, гдѣ онъ раньше служилъ, откуда онъ прибылъ къ намъ — мы тогда этимъ какъ-то не интересовались, но въ полкъ онъ прибылъ еще до войны, въ 1913 году, въ городъ Мервъ Закаспійской области (Туркестанъ), гдѣ 1-й Кавказскій полкъ имѣлъ постоянную «стоянку» еще со времени завоеванія этого края, съ 1881 года.

Отецъ Константинъ имѣлъ внѣшне неказистый видъ, и былъ съ нѣкоторыми недостатками и странностями. Маленькаго роста, слегка сгорбленный, близорукій, всегда въ очкахъ и всегда, какъ-то, всей своей неказистой фигурой смотрѣвшій впередъ и внизъ, всегда съ краснымъ одутловатымъ и лоснящимся лицомъ, съ поганенькой рыженькой поповской косичкой на головѣ, съ жирными и короткими пальцами на рукахъ, въ полуистоптанныхъ сапогахъ — онъ производилъ на всѣхъ самое зарядное впечатлѣніе, что-бы не сказать худшее. Къ тому-же — онъ не отличался чистоплотностью. А если принять во вниманіе, что порою онъ не отказывалъ себѣ въ лишней рюмкѣ водки и не останавливалъ себя въ «рѣчахъ» при всѣхъ абсолютно случаяхъ, съ подчеркиваемой мыслью о какой-то «правдѣ» — то его даже недолюбливали, слегка третировали, а казаки, въ особенности его «причтъ» — подсмѣивались надъ нимъ за-глаза.

Любилъ онъ при всѣхъ отправленіяхъ своихъ церковныхъ «требъ» говорить проповѣдь, при вѣнчаніи — «слово» и если кто въ нихъ вникалъ — они были не лишены глубокаго евангельскаго содержанія. Говорилъ же онъ всегда съ увлеченіемъ, даже, какъ-будто, порою, «мудрствовалъ».

Но наряду съ этими странностями и недостатками — онъ имѣлъ большой запасъ гражданскаго мужества, порою наивно-вызывающцаго. За эту свою «правду» и «смѣлость» — онъ и поплатился самымъ цѣннымъ для себя — жизнью.

А вотъ одинъ характерный случай.

Въ 1915 году, въ Турціи, въ селеніи Санжанъ,

на Войсковомъ праздникѣ, въ просторной палаткѣ командира полка, на оскорбительную остроту послѣдняго (командиръ полка любилъ подтрунивать надъ всѣми. То былъ полковникъ Д. А. Мигузовъ — казакъ Терскаго Войска) — отецъ Константинъ незамедлительно, въ присутствіи офицеровъ, отвѣтилъ дерзкимъ вызовомъ и когда командиръ вынудилъ его удалиться вонъ — онъ, войдя въ свою палатку, стоявшую здѣсь-же рядомъ, — въ оскорбленномъ безсиліи громко запѣлъ

«Отче нашъ . . . »

Офицеры вначалѣ переглянулись между собою, улыбнулись, но... веселіе какъ-то не пошло. Видимо, душа была на сторонѣ священника.

***

Съ объявленіемъ войны — Отдѣльвая Закаспійская Казачья бригада (1-й Кавказскій, 1-й Таманскій и 4-я Кубанская Казачья батарея — кромѣ Туркменскаго коннаго дивизіона) была переброшена въ Персію, въ Макинское ханство и сосредоточена въ г. Маку, въ 20 верстахъ отъ Турецкой границы. Помню, я какъ-то взобрался на высокое «плато», возвышавшееся непосредственно надъ нашимъ бивакомъ, и тамъ случайно встрѣтилъ отца Константина. Наблюдая мѣстности и висящіеся невдалекѣ, словно двѣ сахарныя головы, Большой и Малый Арараты — онъ осталъ пояснять мнѣ о библейскихъ временахъ сихъ мѣстъ, о Ноевомъ Ковчегѣ, о бывшемъ днѣ морскомъ на нашемъ мѣстѣ и въ дока-

зательство этого, порывшись въ землѣ — досталъ оттуда нѣсколько морскихъ ракушекъ.

«А вотъ слово

«Адамъ» (по - тюркски, это значитъ — «человѣкъ»)».

«Почему оно имѣетъ здѣсь такое нарицательное опредѣленіе?»

И на эту тему онъ развилъ мнѣ цѣлую исторію о первой колыбели человѣчества сихъ мѣстъ, послѣдовательно связавъ его съ именемъ нашего прародителя и перваго человѣка «Адама».

Не знаю, ветхозавѣтная-ли мѣстность, далекое ли наше уединеніе отъ людей, иль мое напряженное вниманіе къ его словамъ — вызвали въ немъ потокъ какого-то откровенія и экстаза... Я слушалъ его и въ моихъ глазахъ постепенно перерождался нашъ неказистый на видъ «батюшка» и выявлялся человѣкъ съ большою душою и глубокимъ содержаніемъ.

***

18-го октября 1914 года Турція объявила войну Россіи, и мы, на разсвѣтѣ 19-го, съ боемъ перешли персидско-турецкую границу — вошли въ предѣлы Турціи и заняли рядъ селъ. А черезъ два дня заняли и историческую крѣпость Баязетъ, въ которой въ 1877 году, наши дѣды-кавказцы, окруженные турецкими войсками и терпя голодъ — по жребію рѣзали своихъ строевыхъ лошадей и ѣли ихъ, пока подошла выручка.

Этотъ эпизодъ въ Русской военной исторіи извѣстенъ подъ названіемъ «Баязетскаго сидѣнія».

Съ этого времени и начался нашъ безконечный боевой походъ по гористой и полудикой Турціи, вначалѣ интересный, а потомъ, полонъ лишеній и невзгодъ, порою, въ зимній періодъ — съ долгими и нудными «сидѣніями» въ голодныхъ, холодныхъ и абсолютно разрушенныхъ курдинскихъ «зимовникахъ», а большею частью — въ низкихъ и тѣсныхъ палаточкахъ.

Полкъ долго стоялъ въ Баязетской долинѣ, въ истокахъ библейской рѣки Ефрата, въ с. Диза, что передъ знаменитымъ Топоризскимъ переваломъ. Нѣсколько разъ «затыкая дыры», въ жестокіе турецкіе холода, по бездорожью, проходилъ опорные этапы — Діадинъ, Ташлы-чай-суфра, Каракилиса, избороздилъ всю Алашкертскую долину, высылая разъѣзды на укрѣпленный турками Клычъ-Гядукскій перевалъ и проходя ими, для связи съ Сарыкамышской группой, историческій Даярскій проходъ. Два раза переваливалъ онъ черезъ высочайшій Чингильскій перевалъ, а съ весною 1915 года, когда въ долинахъ была уже зелень, а въ Игдырѣ цвѣли абрикосы — онъ, рубя просѣки въ снѣжныхъ заносахъ, съ боемъ занялъ Топоризскій перевалъ, это долгое наше бревно въ глазу, и спустился въ дикую долину Аббага. Здѣсь, форменно размѣтавъ курдовъ и пройдя двадцативерстное Бегрикалинское ущелье — 6-го мая того-же 1915 года, занялъ городъ Ванъ — центръ Турецкой Арменіи. Развивая дальнѣйшую общую стратегическую операцію — онъ былъ брошенъ далѣе на югъ, въ направленіи къ Джулямерку (Мессопотамія), на перерѣзъ войскамъ Халилъ-бея, отступавшимъ изъ Сарая. Въ горныхъ трущебахъ, своими разъѣздами, полкъ до-

стигъ здѣсь истоковъ второй библейской рѣки — Тигра.

Легкое затишье на фронтѣ и необходимый отдыхъ въ благодатномъ Ванѣ былъ нарушенъ неожиданнымъ прорывомъ Халилъ-бея въ направленіи къ Кагызману, гдѣ передовыя части турокъ достигли даже предѣловъ нашей государственной границы. Это заставило весь лѣвый флангъ русскихъ войскъ — 4-й Армейскій корпусъ — спѣшно оттянуть назадъ, очистить всю занятую мѣстность и вновь отойти къ Баязету. Въ тылу зашевелились курды. Новый походъ сотенъ полка по старымъ дорожкамъ на склоны Большого Арарата — новые пепелища, и новая кровь съ обѣихъ сторонъ, а затѣмъ, всю бригаду спѣшно перебрасываютъ въ самый Мелязгертъ и послѣ легкой боевой операціи — полкъ сотнями и дивизіонами разбрасываютъ на десятки верстъ держать линію фронта противъ неугомонныхъ курдовъ. Штабъ же бригады и 1-го Кавказскаго полка отводятся въ селеніе Санжанъ, что на лѣвомъ берегу Ефрата, возлѣ Дутаха, на трактовую дорогу Мелязгертъ-Каракилиса. Здѣсь началось новое «сидѣніе», но болѣе чѣмъ когдалибо тяжелое. Наступила дождливая осень 1915 г.; затѣмъ выпалъ снѣгъ; ударилъ морозъ. Проходами многихъ войскъ, недавними жестокими боями вся испепеленная мѣстность, ни деревца даже для растопки... Снѣгъ, морозы и... казаки въ палаткахъ. Началось рытье землянокъ. Надгробныя плиты турецкихъ могилъ использовались для нуждъ построеній... Все занесено снѣгомъ; подвоза фуража нѣтъ... Разными приспособленіями, сгребали снѣгъ и доставали старую высохшую траву или не-

убранный хлѣбъ и это — за версты отъ стоянки. Отъ безкормицы конскій составъ полка погибалъ на глазахъ всѣхъ... Отъ холода давно погибли сотни текинскихъ лошадей, мобилизованныхъ въ Туркестанѣ для обоза, которыя въ жизни своей никогда не видѣли снѣга... Противотифозная прививка форменно положила всѣхъ казаковъ въ ихъ скудное ложе въ палаткахъ... Люди едва несли необходимый полковой нарядъ...

Все это, всѣ эти безконечные походы и переходы черезъ высочайшіе снѣжные перевалы, эти восточныя извилистыя каменистыя тропы-дороги, по которымъ разстоянія могутъ измѣряться только «саатами» (часами); эти раскаленныя лѣтнія жары и зимніе турецкіе морозы, и эта постоянная жизнь въ палаточкахъ или въ разрушенныхъ «ханахъ», съ ихъ дымными «тандырями» и дырою въ потолкѣ вмѣсто трубы; этотъ постоянный недостатокъ въ продуктахъ и вѣчный фуражный голодъ, грязь и паразиты... а отсюда — тоска и тоска по родному краю, по родимой сторонушкѣ, по далекой станицѣ, по дому отчему...

Проводя все время съ полкомъ, участвуя абсолютно во всѣхъ боевыхъ его перипетіяхъ, живя также въ своей одинокой палаточкѣ какъ и другіе, тащася въ хвостѣ колонны верхомъ на своей захудалой кляченкѣ, наблюдая ежедневно и ежечасно жизнь-лишенія казаковъ, невольно прислушивался къ ихъ разговорамъ, прислушивался къ ихъ заунывнымъ пѣснямъ, когда въ своей палаточкѣ, въ пасмурные долгіе нудные вечера, безъ всякаго освѣщенія, съежившись можетъ быть «комочкомъ» отъ холода и вспоминая далекую цвѣтущую богатствомъ,

милую родную Кубань — казакъ пѣлъ пѣснь ей — молитвенно и восторженно — отецъ Константинъ, какъ духовный отецъ, онъ не могъ незапечатлѣть всего этого въ своей чуткой и поэтической душѣ.

Вотъ тогда то именно, въ этотъ особенно тяжелый періодъ жизни казаковъ 1-го Кавказскаго полка, — вотъ тогда то, въ 1-й годъ войны на Турецкомъ фронтѣ и зародилась эта знаменитая пѣснь Кубанская, которую теперь поютъ всѣ, которую любятъ всѣ, кто ее хотя-бы одинъ разъ услышалъ...

Глядя на эти безконечныя голыя скалы выжженныя южнымъ солнцемъ; глядя на эти какія-то норы-землянки курдинскихъ селеній; переходя вбродъ по-брюхо лошади мелкія рѣченки и шириною въ 3—5 саженей, идя «въ одинъ-конь» по этимъ турецкимъ тропамъ-дороженькамъ... Глядя на курдинскій несчастный «лавашъ», печеный запросто на первой попавшейся грязной жестянкѣ... глядя на ручную «горе-мельницу» изъ двухъ плоскихъ какихъ-то булыжниковъ временъ «Каменнаго вѣка» и видя кругомъ себя безконечную бѣдность, узость, дикость и самую примитивную первобытную жизнь курдовъ — у казака невольно зародилось возвышенное и горделивое сравненіе всего этого со своей милой, далекой и вольготно-богатой родиной Кубанью и онъ, въ повышенномъ экстазѣ своихъ чувствъ, словами автора — взалкалъ:

«Ты Кубань, Ты наша родина,
«Вѣковой нашъ богатырь,
«Многоводная, раздольная,
«Разлилась Ты вдаль и вширь...

«Изъ далекихъ странъ полуденныхъ,
«Изъ Турецкой стороны,
«Бьемъ челомъ, Тебѣ, Родимая,
«Твои вѣрные сыны...

Въ томительные вечера стоянокъ «на бивакѣ», въ палаткахъ-ли, иль въ широкомъ кругу сотни послѣ вечерней «зори», въ долгіе переходы аллюромъ «шагомъ», когда лѣтній зной нестерпимо жарилъ всѣхъ, и когда въ строю позволялось ѣхать «вольно» — всегда 2-3 одностаничника, «съѣхавшись» другъ къ другу, наряду съ воспоминаніями о быломъ — тянули безъ конца заунывную пѣснь старины казачьей, гдѣ — «коникъ вороной», «жена молодая — бабачка - бабеночка», «степь раздольная», «заря алая» и... все-все, что такъ связано со станичной жизнью, съ домашнимъ уютомъ и разгуломъ, иль даже «парубоцкой шаловливостью» — оттѣняло настроеніе души казачьей — авторъ, подмѣтивъ все это, рельефно выразилъ словами:

«О Тебѣ здѣсь вспоминаючи,
«Пѣсни дружно мы поемъ:
«Про Твои станицы вольныя,
«Про родной отцовскій домъ...

Тревожное боевое время, частые бои, ежедневные разъѣзды въ глубь курдинскаго расположенія, среди дикой, сплошь пересѣченной мѣстности, гдѣ каждый камень-глыба сулилъ засаду, когда каждый казакъ, вкладывая ногу въ стремя, всегда могъ думать, что это онъ дѣлаетъ, можетъ быть, въ послѣдній разъ и въ это время онъ, можетъ быть, невольно вспоминалъ не только родину, станицу и семью, но и... молился въ душѣ...

Ночью, по тревогѣ, въ темь «хоть глазъ выколи» — офицерскимъ разъѣздомъ въ 10 коней, спѣшно выступаешь куда-то за 20 верстъ и... первая команда невольно вылетаетъ:

«Ну, съ Богомъ, братцы, за мною... Дозорные впередъ!»

И самъ, незамѣтно для казаковъ, коротко крестишься въ темнотѣ...

Непосредственныя наблюденія автора за вотъ такими моментами изъ боевой жизни казаковъ 1-го Кавказскаго полка и дали ему мысль это выразить словами:

«О Тебѣ здѣсь вспоминаючи,
«Какъ о матери родной —
«На врага на басурманина
«Мы идемъ на смертный бой...

Любовь казака къ родинѣ, любовь къ Кубани, къ «Кубани», конечно, какъ къ

«ВОЙСКУ КУБАНСКОМУ»,

къ его горделивому историческому прошлому, острое сознаніе всегдашней

«Войсковой Гордости»,

боязнь ее не уронить во всѣхъ боевыхъ передѣлкахъ, боязнь не опозорить сѣдины своихъ дѣдовъ (Георгіевскій штандартъ полкъ получилъ за взятіе Девебойненской позиціи передъ Эрзерумомъ въ 1877 году) — все это видимо не разъ выявлялось казаками въ ихъ обыденной боевой жизни, если ав-

торъ, самъ не казакъ, запечатлѣлъ казачью мысль такими трогательными и жертвенными словами:

«О Тебѣ здѣсь вспоминаючи,
«За Тебя-ль не постоять,
«За Твою-ли славу Старую
«Жизнь свою-ли не отдать...

И какъ послѣдняя затаенная мысль-мечта всякаго воина, жаждущаго окончить войну живымъ и со славою, мечта — принести своей родинѣ благополучіе и счастье, съ сознаніемъ, что имъ лично сдѣлано все для нея — авторъ, словами казачьей пѣсни, выразилъ полную сыновью преданность родинѣ — и въ экстазѣ своихъ горячихъ чувствъ къ ней — онъ, колѣнопреклоненно, выражаетъ ей полную свою любовь-почтеніе:

«Мы какъ дань свою покорную,
«Отъ прославленныхъ Знаменъ,
«Шлемъ Тебѣ, Кубань Родимая,
«До сырой земли поклонъ...

***

Эта «пѣснь» вышла въ печати маленькою брошюркою въ 6-8 страницъ, вмѣстѣ съ другими стихами автора, къ осени 1915 года. Тогда же съ собственноручною надписью автора отца Константина, въ знакъ привѣтствія назначенія моего полковымъ адъютантомъ, я получилъ ее «на память» въ селеніи Санжанъ, въ убогой землянкѣ его. Авторъ ея, видимо, имѣлъ ввиду этою «пѣснью» дать болѣе

значительный смыслъ ея пониманія, такъ какъ въ заголовкѣ стояло:

«Плачъ Кубанскихъ Казаковъ».

Мы, офицеры, по гордости своей, тогда даже возмутились этимъ:

Почему «плачъ»?

Но 1-й Кавказскій полкъ, черезъ нѣсколько дней неожиданно былъ смѣненъ 1-мъ Лабинскимъ полкомъ и мы, послѣ 15-ти-мѣсячнаго непрерывнаго пребыванія въ полудикой Турціи, испытавъ нечеловѣческія лишенія, измотанные и обтрепанные — съ нескрываемой радостью выступили на отдыхъ въ Карсъ. Но отдохнуть полку не удалось. Пробывъ всего лишь нѣсколько дней—онъ былъ спѣшно переброшенъ въ г. Ольты, т. к. началась Эрзерумская операція, закончившаяся паденіемъ этой первоклассной турецкой крѣпости. Развивая успѣхъ — непрерывными и жестокими боями полкъ прошелъ Мема-Хатумъ, Барна-Кабанъ, Байбуртъ, Ханъ-Дараси, закончивъ все это занятіемъ далекаго и уже полуевропейскаго города Эрзинджана, расположеннаго въ богатой и плодородной долинѣ, гдѣ впервые въ Турціи нашли мы яблоки, груши, огурцы и даже арбузы. И далѣе, распространяясь вглубь Турціи — дивизіонъ полка занялъ городъ Кемахъ, въ 60 верстахъ западнѣе Эрзинджана, по шоссе на Сивасъ. Это былъ самый далекій пунктъ, гдѣ только могли быть русскіе войска въ Турціи. Увлеченные такими боевыми успѣхами, мы, какъ-то, и забыли о

«Плачѣ Кубанскихъ Казаковъ».

И лишь къ осени 1916 года, когда полкъ, въ составѣ 5-й Кавказской Казачьей дивизіи (Закаспійская казачья бригада, со включеніемъ въ нее 3-го Екатеринодарскаго и 3-го Линейнаго полковъ — были переименованы въ 5-ю Кавказскую дивизію), абсолютно издерганный и надорванный, былъ вновь переброшенъ на продолжительный отдыхъ въ раіонъ крѣпости Карса — здѣсь впервые появилась эта пѣснь уже переложенная на трогательную музыку и съ восторгомъ подхваченная не только въ сотняхъ нашего полка, но и въ полкахъ всей дивизіи, такъ какъ глубокій смыслъ этой пѣсни одинаково затронулъ изболѣвшуюся и надорванную душу каждаго казака, перенесшаго нечеловѣческія лишенія на голодномъ турецкомъ фронтѣ и послужившую темою для автора въ его

«Плачѣ».

Однородность невзгодъ Турецкаго фронта, на которомъ изъ 11-ти первоочередныхъ полковъ Кубанскаго Казачьяго Войска участвовало девять (1-й Кавказскій, 1-й Таманскій, 1-й Лабинскій, 1-й Черноморскій, 1-й Полтавскій, 1-й Уманскій, 1-й Запорожскій, 1-й Кубанскій и 1-й Хоперскій) на которомъ участвовали всѣ три бригады непоколебимыхъ въ бояхъ нашихъ исторически-прославленныхъ Кубанскихъ пластуновъ, почти всѣ Кубанскія батареи, плюсъ нѣсколько 3-ье-очередныхъ полковъ и отдѣльныхъ сотенъ, а впослѣдствіи и вновь сформированная 4 Сводно-Кубанская дивизія (Екатеринославскій, Ставропольскій, Адагумскій и Ейскій полки), оперировавшая въ Персіи — т.-е. гдѣ участ-

вовало почти все строевое Кубанское Казачество, весь «цвѣтъ» и боевая мощь Войска, и съ которыми 1-й Кавказскій полкъ въ своихъ боевыхъ мытарствахъ имѣлъ близкое общеніе — поэтому становится вполнѣ понятнымъ, что эту трогательную «пѣснь-молитву», одинаково святостно воспріяли всѣ полки, баталіоны и батареи Войска, словно пѣснь эта была написана исключительно о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, отобразивъ именно ихъ душу, ихъ плачъ...

Далеко-далеко еще до мысли о ней какъ о гимнѣ, во всѣхъ Кубанскихъ войсковыхъ частяхъ — будь то казаки, поющіе какъ всегда въ широкомъ кругу, иль г.г. офицеры въ своемъ собраніи — всегда всѣ они, родные и вѣрные Кубани Кубанцы, при словахъ послѣдняго двустишія — снимали папахи и продолжая пѣть:

«Шлемъ Тебѣ, Кубань Родимая,
«До сырой земли поклонъ...

кланялись ей полупоклономъ торжественно и умиленно...

Этотъ штрихъ былъ весьма характеренъ для опредѣленія чувствъ Кубанскаго казака
къ «Ней»,
къ Кубани,
къ КУБАНСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ.

Глубокій смыслъ и неподдѣльное душевное переживаніе Кубанскаго казака во время войны, вы-

развившееся въ этой пѣснѣ въ восхваленіи своей родины Кубани, выразившееся въ словахъ, что она ему

«Родная»

что она его

«Вѣковой богатырь»

что она для него

«Многоводная и раздольная»

и настолько «многоводная», что въ своемъ стихійномъ порывѣ «многоводія», она

«Разлилась и вдаль и вширь...»

то-есть, залила все, все затопила своею мощью..

Вспоминая о ней —

«Изъ далекой Турецкой стороны»

онъ «Ей» —

«Бьетъ челомъ»

какъ самый —

«Вѣрный сынъ»

и что —

«Ее»

и тамъ —

«Вспоминаючи»

въ этой полуденной (южной) сторонѣ — онъ о ней

«Пѣсни поетъ»

восхваляючи

«И станицы вольныя

и —

«Родной отцовскій домъ»

а передъ —

«Смертнымъ боемъ»

онъ поетъ какъ

«О матери родной»

и что онъ за

«Нее»

за «Ея»

«Славу старую»

готовъ и —

«Жизнь свою-ли не отдать»...

А подъ конецъ, пересиливъ всѣ невзгоды и предвкушая сладость возвращенія домой, — онъ колѣнопреклоненно, отъ себя и своего боевого Знамени — кланяется «Ей» —

«До самой сырой земли»...

Здѣсь налицо всѣ наилучшіе и благородные порывы души воина-казака. Здѣсь все такъ ярко и выпукло:

И любовь . . .

И богатство края . . .

И мощь «Войска» . . .

И вѣрность ему (Войску) . . .

И домъ родной . . .

И станица вольная . . .

И безконечная тоска по родинѣ . . .

И сознаніе старой «Войсковой» славы . . .

И боязнь ее уронить эту славу . . .

И готовность умереть ради сохраненія

этой «дѣдовской» славы, и наконецъ —

Сыновья преданность, выражавшаяся въ глубокомъ земномъ молитвенно-трогательномъ поклонѣ

«ЕЙ»,

своей далекой родной

«КУБАНИ»

своему

«КУБАНСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ»...

Большей и разнообразной глубины чувствъ къ своей Родинѣ, какъ проявлено здѣсь — найти трудно. Вотъ почему, въ годъ паденія Императорской Россіи, когда Царскій гимнъ не могъ быть выявленъ въ жизни и не могъ всколыхнуть сердца Казаковъ въ ихъ стремленіи уберечь свой край отъ развивавшейся обще-русской анархіи—эта плачъ-пѣсня священника 1-го Кавказскаго полка отца Константина Образцева такъ остро задѣла душу Кубанскаго Казачества, что была абсолютно всѣми — фронтовиками и дѣдами, штатскими и военными, рядовыми казаками и офицерами, казаками и иногородними и даже, нашими гордыми и благородными сосѣдями

черкесами — въ періодъ тяжкихъ испытаній и борьбы, кровавой борьбы

«ЗА СВОЙ ПОРОГЪ И УГОЛЪ»...

на переломѣ насильственнаго изжитія казачества, въ годы его физическаго уничтоженія коммунистической властью, когда, фактически, самою жизнью, кровавою смутою, самъ собою поднялся вопросъ

— БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ КАЗАЧЕСТВУ —

эта Войсковая плачъ-молитва была всѣмъ населеніемъ Кубанскаго края воспріята какъ

— ВОЙСКОВОЙ ГИМНЪ —
КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

съ которымъ Кубанское Казачество воевало и... умирало...

. . . .

. . . .

«За Твою-ли славу старую
«Жизнь свою-ли не отдать...»

Полковникъ Елисѣевъ
Коренной и природный Казакъ Кубанскаго Казачьяго Войска.

Парижъ.
5 февраля 1930 г.

Imp. Berta, 21, Rue Cler, Paris